

Глава 1

Бездонное небо особо красиво, когда наблюдаешь его с нагретого бока БТР-82А. Редкие облака перышками пролетают над выжженной сирийской пустыней. Песок скрипит на зубах, а жаркий ветер приносит не прохладу, а очередную порцию зноя.

Верный «калаш» чуть покачивается в руках. Он тоже горяч, как и оболочка машины. Сказать по правде, тут все нагрето так, что можно запросто жарить яичницу. Да, взять три яйца, разбить их на броню и подождать пять минут. Кушать подано, господа русские воители! Вот вам еще горсть песка в яичницу вместо специй. Жрите, не обляпайтесь!

Безжалостное солнце с упорством игиловца продолжает уничтожать все, что попадется ему на глаза. Даже в тени его лучи отражаются от вездесущего песка и нагревают, нагревают, нагревают сухой воздух.

— И вот моя маманя напрочь заколебалась ругаться с теткой Матроной. Она уже и так, и сяк,

и наперекосяк, а та все одно талдычит: куры глупые, они сами в огород лезут. Ни одна доска их не удержит, как бы я понизу ни укреплял. Надо было, с другой стороны, тоже заклад ставить! — полукричал-полуговорил мне в ухо Серега Смирнов, позывной Сверчок. — Мамка уже обещалась им бошки пооткручивать, а тетка Матрона тогда грозилась в суд подать. В общем, бодались они с утра и до вечера. На их концерты полдеревни собиралось. А чо? Бесплатный цирк, поржать можно тоже...

— И ты позволял мамку забижать? — спросил я.

Еще двое бойцов лениво прислушивались к нашему трепу, сидя на другой стороне летящей по пустыне машине. Мои орлы! Звери! Бойцы, которых я лично вымуштровал. Слепил из теста булатные мечи.

— Товарищ майор, а что мне оставалось делать? Тетка Матрона могла наш БТР на ходу одной левой завернуть. А вот что до «забижать»... Тут как получилось-то... В общем, я тогда Сунь Цзы читал, про военное дело и вообще. Вот и подговорил маманю на спецоперацию... — Сверчок сделал театральную паузу.

Рядом с нами приутих ветер, как будто присел рядом на бронированный корпус и прислушался. Ветру только сигаретки не хватало прикурить, чтобы стать похожим на бравых вояк, какими были мои бойцы.

Небольшая часть моего батальона в количестве семи человек возвращалась в базу Хмеймим после инспекции Аль-Буди. На рассвете там были слышны выстрелы, вот нас и направили для разбирательства. Как оказалось, это повздорили два местных аксакала. Повздорили из-за какой-то фигни, вроде один у другого украл лопату. Второй отказывался и говорил, что в глаза ее не видел. Но когда глотки от ругани оказались сорванными, то один из них выстрелил в воздух. Второй тоже громко показал наличие оружия. Обошлось без жертв, но мы для приличия отобрали у обоих пистолеты, а взамен оставили воду.

Понятно, что не сегодня, так завтра у обоих снова окажется оружие, но... Не убивать же этих седобородых старцев, которым уже не хватает слов для выражения эмоций. Тем более что скоро и я стану похожим на этих аксакалов. Уже решил, что «сирийская командировка» станет моей последней. Дальше — возвращение домой и выход на пенсию.

Хватит. Мне уже почти пятьдесят. Я — воин-переросток. Майор Семен Михайлович Ерин. Мотострелковые войска. В нашей семье я второй после отца, кто выбрал своей стезей военную карьеру. И быть бы мне подполковником, а то и полковником, но... Я не умел сдерживать эмоций, когда передо мной творилась грязь и несправедливость. А в Сирии этой грязи хоть ложкой ешь!

Достало все это. И эти дрязги, и эти выстрелы, и эти случайные, глупые смерти. Я потому и выбрался из недр душной базы, чтобы немного развеяться. Потому что все обрыдло и все достало. Но даже ссоры стариков раздражали. Вот же ж, все волосы седые, а они стрельбу из-за чухни затеяли... Вот как раз на эту тему и Сверчок начал рассказывать свою историю. Сказал, что она похожая на ситуацию двух аксакалов и очень нравоучительная.

Когда пауза затянулась, один из бойцов, Михаил Мареев с позывным Кострома, сильно выделяя букву «о» в словах, проговорил:

— Да не тяни кота за... Чово там дальше-то было?

— Вот! — поднял вверх палец Сверчок. — Как раз в яйцах-то все дело и было! Я купил в магазине лоток белых яиц да и разложил их по огороду. А уж утром, когда многие деревенские пошли на работу, выпустил маманю на диверсию. Она пошла с корзинкой на сборы и так громко начала приговаривать: «Ох, до чего же крупные яйца несут куры у Матроны! Прямо страусиные!» Конечно, весть о курином предательстве дошла до ушей тетки Матроны почти сразу. Она выскочила на двор и давай орать, мол, отдавай мои яйца! Мои это куры и яйца мои!

Сверчок показывал это в лицах, размахивая руками, и один раз едва не навернувшись с брони. Хорошо еще я вовремя его поймал за воротник.

— А маманя ей в ответ дулю показывает, мол, что на моем огороде, то все мое. Опять концерт по заявкам, опять половина деревни на ушах, но... Люди у нас справедливые, сказали, что раз куры беспределят на мамкином огороде, то все, что они сотворят, мамкино. Будь то навоз или яйца. Тетка Матрона покудахтала-покудахтала, да и заколотила забор со своей стороны. Жадность оказалась сильнее. Теперь мамкин огород ни одна крылатая стерлядь не топчет, — под общий хохот закончил Сверчок.

Я хлопнул Сверчка по плечу. Ведь хотел рассказать нравоучительную историю, а рассказал о том, как развел старую тетку.

Колеса БТРа наматывали километры сухого песка на резину. Впереди и позади была все та же серо-желтая равнина.

— Кстати о птичках. Над нами уже минут десять стервятник кружится, вы не заметили? — крикнул Кострома.

— Где? — Я тут же напрягся.

Вряд ли птица будет десять минут лететь за машиной. У нее и поинтереснее дела могут найтись.

— А вон... — Кострома ткнул пальцем в сторону юго-востока.

Там среди мелких перистых облаков маячила одинокая точка. Я схватил кофр, вытащил бинокль.

— Твою же мать! Это же «птичка»! — рявкнул я. — Приготовиться!

Не успел я прокричать команду, как послышался противный свист, и в броню БТРа со стороны Костромы влетел снаряд.

Меня отбросило в сторону. Взрывная волна смяла тело, как будто оно было из пластилина. И вместе с тем эта волна спасла меня от второго взрыва, уже с нашей стороны. Я видел, как на почерневшую броню брызнула алая кровь...

Засада! Черт побери! Нас вели, а я позволил себе расслабиться! Позволил потерять бдительность! А теперь...

Теперь все тело превратилось в один сплошной комок муки. Оно пылало от боли, как подбитый БТР. И в то же время я еще был жив. Жив! Да, я видел сквозь пелену в глазах, что нижняя половина моего тела лежала рядом. Изуродованная, сломанная, вся в подпалинах. Даже берцы слетели...

— Есть кто живой? — вырвался из груди сип.

Мне никто не отозвался. БТР пылал, изнутри не доносилось ни звука. Куски того, кто недавно сидел на броне и белозубо ржал над собственными шутками, уже не вернутся к маме в деревню. Или вернутся в закрытом гробу.

Мой маленький отряд погиб. Из шести пацанов никто не вернется обратно. И вскоре я присоединюсь к ним. Догоню их, и мы пойдем туда, где уже не будет ни горя, ни зла. Возможно, Сверчок расскажет еще какую-нибудь байку по пути...

Умру здесь, на жарком песке... под палящим солнцем... Осталось чуточку потерпеть...

Я не дамся живым... Вот сейчас вырву чеку, отпущу рычаг и...

Но мне не удалось уйти спокойно. Я услышал шаги. Скрип песка под тяжелыми подошвами.

Кто это? Игиловцы? Я с трудом поднял слипшиеся веки.

Солнце обрисовало три фигуры в серо-зеленоватой одежде. Звездно-полосатые нашивки на рукавах... У двоих в руках ракетные комплексы... Встали надо мной... Улыбчивые, в голливудских черных очках...

— Янки? — просипел я.

— Факинг рашн, — сплюнул один из них.

— Слышь, янки! — Я с трудом заставил язык ворочаться. — Гоу хоум, *ляди!

После этого я выпустил гранату из руки. Звякнул спусковой рычаг. Взрыв растворил в себе испуганные крики, жаркое солнце и такое далекое синее небо. Небо, по которому все так же невесомо плыли перышки облаков.

Глава 2

Темнота. Вонь. Вот два слова, которые приходят мне на ум прежде, чем в уши вторгаются звуки:

— Чух-чух, чух-чух.

Да-да, темнота и вонь блевотни. Причем блевотни сивушной, исторгнутой совсем недавно. Такая вонь сама по себе залезает в нос, доходит до мозга и просит тело добавить в общую лужу. Вроде как брызнуть в общий котел...

Я выжил? Теперь где-то в больничке? Или в каком-нибудь зиндане для пленных? Нет, в зиндане не бывает этих мерных «чух-чух».

Следом приходит боль. Я чувствую, что раскалывается голова. Она такая же тяжелая, как чугунное ядро для пушки. Или я и есть чугунное ядро для пушки?

А что? Переродился и теперь...

— Чух-чух... чух-чух... Дзиньк-дзиньк-дзиньк...

К мерному постукиванию колес добавился стеклянный звук. Так может дрожать в стакане ложечка. Даже не так... Этот звук шел от ложечки, которая была вложена в стакан, а тот, в свою очередь, покоился в подстаканнике!

Значит, я не пушечное ядро. Нет, не мог себе представить в одном месте пушечное ядро и стакан в подстаканнике. Значит, я что-то иное... А что?

— Вот вернусь домой и на завод пойду, — слышался откуда-то сверху полупьяный молодой голос. — Женюсь на Люське Трофимовой, в универ подам документы. А там инженером стану, дети пойдут... «Волгу ГАЗ-24» куплю... Недавно в журнале видел... Краси-ик-ивая...

Эммм, чего? Какую «Волгу»?

— Да все ты свистишь, Сашка. Какая Люська? Она же в Ленинград усвистала учиться. Там себе найдет какого-нибудь профессора... А ты будешь к ней в гости приезжать. На «Аврору» смотреть и на Люську облизываться, — слышался другой, не менее пьяный голос. — Может, даст тебе за сиську подержаться.

В Ленинград? Да он давно уже Санкт-Петербург!

— Чего? Какого профессора? — заворчал первый голос. — Да я лучше любого профессора! А ты чего подзуживашь-то, Серега? Чего подзуживашь? Вот сейчас залеплю тебе в лобешник, будешь знать... Давай лучше выпьем...

— А давай. Чего на сухую-то? Эх, снова спускаться...

Один за другим раздались шлепки, как будто на пол спрыгнули два тела. Не очень аккуратно спрыгнули, так как на меня повалился один из спрыгнувших.

О как! У меня есть тело! Я вообще не пушечное ядро!

— Черт! — прошипел упавший на меня человек, дыша перегаром. — На Сеньку грохнулся. Во, он даже не очнулся! Ну и дрыхнуть! Эй, Сенька! Эй, пить будешь?

Меня потрясли, но я сделал вид, что исполняю суриката и прикинулся мертвым. Надо пока оглядеться, а уже потом решать, что к чему. Как раз начали разлипаться веки. Похоже, что на ресни-

цах выложили по лопате гноя, и теперь придется постараться, чтобы их продрать.

— Да оставь ты его. Он как с верхней полки наверхнулся, так всю башку себе напрочь отшиб. Как бы дурачком не остался. На фиг он нам такой в общаге-то спонадобится? Будет еще ссаться с верхней койки! — остановил второй.

Послышалось звяканье, какое издает бутылка, которую прислоняют к стакану. Дальше пошли бульки. Семь бульков... Значит, бутылка делится на троих.

— А может, Ерина толкнем? Вдруг будет? Ну на двоих-то до хрена...

Ерина толкнем? Меня же только что толкали!

Я все-таки с трудом разлепил веки, но оставил их прикрытыми. Беглый осмотр дал немного информации: я в плацкарте поезда. На нижней полке. Напротив лежит накрытый простышкой человек, а еще двое молодых пацанов застыли с поднятыми стаканами. Оба — в майках-алкоголичках и трениках с завязками под пятку.

Один вихрастый, рыжий, как лисенок из мультика. И мордочка такая же хитрая, просящая кирпича. Второй же был русоволосый, стриженный под полубокс. Лица я не видел, так как он сидел на моей полке спиной ко мне.

В окне напротив проносился зеленый лес. Судя по елкам и березкам — где-то на средней полосе России. На столике — пара пустых бутылок из-под водки. Вот только я такую водку

давненько уже не видел. Сами бутылки похожи на пивные, а на светло-зеленых этикетках просто слово «Водка». С витиеватым вензелем под словом.

— Подорожала, конечно, водочка-то, — сказал тот, который сидел на моей полке. — Уже три шестьдесят две стоит. Но это если бутылку не сдавать...

— Ага, и продают только после одиннадцати. Знаешь шутку про ленинский завет на одиннадцать?

— Какую шутку?

— А это, мол, Ленин завещал продавать после одиннадцати. Вот если юбилейный рубль ко столетию Владимира Ильича положить на часы так, чтобы голова вождя смотрела на двенадцать, то вытянутая рука как раз будет показывать на одиннадцать. Все по завету. Вот у тебя есть юбилейный?

— Нету, — вздохнул рыжий. — Так что проверить не удастся.

— Как будет — так проверь.

— Ерин! Ну, Ерин! Бухать будешь? — толкнул рыжий второго лежащего. — Вот, я тебе «коленвал» уже разлил. Нам как раз третьего нужно!

Коленвал? Что за коленвал?

На зов повернулся лежащий молодой человек. Сквозь сомкнутые ресницы я наблюдал за тем, как он поднял черноволосую взлохмаченную